

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽²¹⁾

осень — зима

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Васубандху*. Абхидхармакоша («Энциклопедия Абхидхармы»), фрагмент раздела «Самадхи-нирдеша» («Учение о созерцании»). Предисловие, перевод с санскрита и комментарии *Е.П. Островской* 5
- «Андхрамахабхарата». Книга II «О Собрании», глава 2. Предисловие, перевод с языка телугу и комментарии *Е.В. Таноновой* 27
- Фрагмент политического трактата в дуньхуанском учебном пособии Дх-11656. Перевод с китайского языка, исследование и комментарии *И.Ф. Поповой* 41
- Сарасина Гэндзо*. Айнун дэнсэсю. («Собрание айских легенд»). Предисловие, избранные переводы с японского языка и комментарии *Е.Е. Ужинина* 56

ИССЛЕДОВАНИЯ

- З.А. Юсупова*. «Диван» курдского поэта Джафаи (на диалекте горани). Грамматическое описание 80
- И.В. Богданов*. Понятие «статус» в Египте Древнего царства 99
- И.С. Гуревич*. «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и роман «Возвышение в ранг духов»: внутренний мир языка памятников 108
- С.Л. Невелева*. О типологии древнеиндийского эпоса 117

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. II. Пальмирские тексты в Европе: Ж.Ж. Скалигер 125
- О.В. Лундышева*. Фрагменты ксилографических изданий dhāgaṇī из коллекции ИВР РАН 153
- Ю.А. Иоаннисян*. Освещение религии бахаи и бабизма в научно-популярной литературе и прессе в России на стыке XIX и XX вв. 177

Наука — Восточная литература
2014

А.Г. Грушевой. Реформирование школ Палестинского общества в Сирии — проекты российских представителей и отношение к ним местного населения (по данным инспекции 1910 г.) 189

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Т.В. Ермакова. Коллекционирование буддийских рукописей в Индийском фонде Азиатского музея РАН (1850–1910) 201

С.Х. Шомахмадов. Ксилографы письмом сиддхам из коллекции ИВР РАН 212

С.Г. Елисеев. Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза. Подготовка к публикации, введение и комментарии *А.А. Борисовой* и *С.И. Марахоновой* 222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.П. Иванов. XXXV Зографские чтения «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста» (Санкт-Петербург, 14–16 мая 2014 г.) 243

О.М. Чунакова. Иранистический семинар «Фрейманские чтения» (Санкт-Петербург, 28 мая 2014 г.) 251

Ю.В. Болтач. Шестые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (Улан-Удэ–Нарын-Ацагат, 13–16 июля 2014 г.) 256

А.А. Сизова. Научно-практическая конференция «К 250-летию института Пандито Хамбо-лам в России» (Санкт-Петербург, 15–18 сентября 2014 г.) 260

В.П. Иванов. Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Доклад *С.Х. Шомахмадова* (1 октября 2014 г.) 263

РЕЦЕНЗИИ

Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение = Death in Maharashtra: Imagination, Perception and Expression / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; рук. проекта и науч. ред. И.П. Глушкова. — М.: Наталис, 2012. — 816 с., ил. (*С.Л. Бурмистров*) 266

Gilgit Manuscripts in the National Archives of India. Facsimile Edition. General Editors: Oskar von Hinüber, Seishi Karashima, Noriyuki Kudo. Vol. I. Vinaya Texts / Ed. by Shayne Clarke. — New Delhi–Tokyo, 2014. — 80 pp. + 277 plates. (*С.Х. Шомахмадов*) 271

На четвертой стороне обложки:
Фрагмент санскритского ксилографа из Хара-Хото. Шифр SI 6576 (к статье *О.В. Лундышевой*)

Йокота-Мураками Такаюки. Фтабатэй Симэй (Серия избранных биографий замечательных японцев). — Киото, Минэрува Сёбо, 2014. — 302 с. + vi. ヨコタ村上孝之『二葉亭四迷くたばってしまえ』(ミネルヴァ日本評伝選)、京都、ミネルヴァ書房 (*Кимура Такаси*) 273

Над номером работали:

ИНДЕКС

Т.А. Анিকেева
А.А. Ковалев
О.В. Маждидова
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
А.Е. Танчарова
Е.А. Пронина

Содержание журнала «Письменные памятники Востока» № 2(11), 2009 — № 1(20), 2014. Сост. *Т.А. Пан* 276

IN MEMORIAM

Сергей Григорьевич Кляшторный (1928–2014) (*И.В. Кульганек, И.В. Кормушин, Д.М. Насилов*) 292

Йокота-Мураками Такаюки. Фтабатэй Симэй (Серия избранных биографий замечательных японцев). — Киото: Минэруба сёбо, 2014. — 302 С. + vi.
 ヨコタ村上孝之『二葉亭四迷くたばってしまえ』(ミネルヴァ 日本評伝選)、
 京都 ミネルヴァ 書房

В 1887 г. Хасэгава Тацуноскэ (長谷川辰之介) под псевдонимом «Фтабатэй Симэй» (二葉亭四迷) вошел в литературные круги Японии, продолжавшие культурную традицию дореформенной эпохи. В токийском говоре ругательное выражение «чтоб ты сдох!» звучит так: «ктабаттэ симаэ!». Очевидно, это выражение и послужило псевдонимом.

Несмотря на несерьезность выбранного имени, дебют Фтабатэя произвел невероятную сенсацию, так как первая часть его романа «Укигумо» («Плывущее облако») была написана на совершенно новом языке. В следующем году наряду со второй частью того же романа Фтабатэй опубликовал в популярных журналах два рассказа «Аибики» («Свидание») и «Мэгуриаи» («Случайная встреча») — переводы тургеневских «Свидания» из «Записок охотника» и «Трех встреч». Эти переводы были написаны на том же существенно модернизированном языке. Таким образом Фтабатэй открыл дверь в современный японский литературный язык, и многие японские писатели того времени последовали за ним, постепенно совершенствуя новый язык прозы.

Чтобы раскрыть тайну новаторства Фтабатэя, исследователям требуются глубокие знания как русской классики, так и японской литературы Нового времени XVII–XVIII вв. Но, к сожалению, до сих пор деятельность этого замечательного писателя и переводчика изучали в двух областях раздельно. Автор рецензируемой книги является знатоком как русской классики, так и японской литературы Нового времени. С подачи ряда немногочисленных, но концептуальных исследований сложились «общепринятые», «влиятельные» версии творчества и жизни Фтабатэя. Однако прошло уже почти полвека после появления этих версий. Назрела потребность заново пересмотреть и переосмыслить последние достижения в области изучения жизни и творчества писателя.

Фтабатэй Симэй, несомненно, сильный и талантливый автор, совершивший неоспоримый литературный подвиг, в то же время был нерешительным и противоречивым человеком, который прожил мучительную жизнь, полную переломов и заблуждений. Исследование Йокоты-Мураками, посвященное тому, чтобы выявить, каким на самом деле был Хасэгава Тацуноскэ, скрывавший настоящее лицо под литературной маской «Фтабатэй Симэй», мне кажется, в целом оказалось успешным.

Книга состоит из шести глав: гл. 1 «Выход из ситуации „продвижение вперед ощупью“», гл. 2 «Глубокое знакомство с художественной литературой», гл. 3 «В деловом мире», гл. 4 «Революция и Фтабатэй», гл. 5 «Возвращение в литературные круги» и, наконец, глава 6 «Смерть в России». После 6-й главы следуют краткое «Послесловие» и «Литература», включающая 126 японских, 18 английских и 15 русских книг и статей. Кроме того, имеются два списка материалов, первый из которых связан с занятиями Фтабатэя международным языком эсперанто, а второй представляет собой перечисление учебных пособий, которые мог бы читать Фтабатэй во время учебы в Токийском институте иностранных языков и которые сегодня хранятся в библиотеке университета Хитоцубаси. Но это еще не все. Далее следуют «Хронологическая таблица жизни и творчества Фтабатэя Симэя», указатель имен и предметный указатель. Книга обильно снабжена фотоснимками, иллюстрациями, картами. Есть даже график, показывающий динамику коэффициентов разводов в Японии (с 1882 г.), США (с 1902 г.), Англии, Швеции, Дании и СССР (с 1930 г.) по 1975 г.

Для обозначения того нового языка, на котором Фтабатэй писал свою прозу, был принят термин «гэмбун итти» (言文一致) — дословно «единство речи и письма». Это неудачное наименование стало причиной заблуждения многих людей. Они склонны понимать «гэмбун итти» как принцип писать точно так, как говорят в повседневной жизни. Если это верно, тогда письменный язык должен бесконечно приближаться к стенографическому тексту. Показав, что взгляды Фтабатэя на язык и мышление близки к мысли русского психолога начала XX в. Л.С. Выготского (при жизни Фтабатэй не успел его про-

честь), Йокота-Мураками с уверенностью пишет: Фтабатэй исходил из посылки, что сначала возникает мышление, а уж затем язык его изъясняет. «Чистое мышление» то записывается на бумаге, то произносится устами людей (с. 49–50). Вместе с тем в тексте романа «Укигумо» не найдешь «единства речи и письма». Из этого автор рецензируемой книги делает вывод, что для Фтабатэя было вполне достаточно, чтобы между «речью» и «письмом» было некое соотношение. По мнению исследователя, Фтабатэй вовсе не думал о полном их единстве (с. 51), а конечная цель его стараний заключалась в становлении современного литературного языка. Иначе говоря, речь шла о письменном языке, а не о разговорном. Поэтому писатель (и переводчик) вовсе не хотел участвовать ни в «движении за языковую вульгаризацию», ни в «движении за превращение письменного языка в разговорный» (с. 52).

Йокота-Мураками резко выступает против укоренившегося мнения о существовании у Фтабатэя двух явно противоположных склонностей: «сисисэйсин» (志士精神 «душа революционера») и «бунгакусико» (文学志向 «устремление к литературе»). До сих пор было официально принято считать, что обе стороны личности Фтабатэя противостояли друг другу, находились в противоборстве до самого конца его жизни (с. 43). Йокота-Мураками же пишет: «Такое утверждение содержит логическое противоречие и является анахронизмом. Национализм Фтабатэя развивался вместе с усилением в то время национализма в Японии. И „литература“ Фтабатэя тоже родилась и развивалась вместе с осознанием понятия „литература“ и ее дискурса, постепенно определявшихся в тогдашней японской культуре» (с. 42). Автор книги четко указывает, что сам вопрос о том, что у Фтабатэя есть существенное расхождение между «литературой» и «политикой», был придуман ретроспективно (с. 43). Рецензент считает такой подход мудрой находкой исследователя, подобной «гелиоцентризму Коперника».

Фтабатэя Симэя привлекали современные ему теории психологии, которые он почерпнул из английских источников. Помимо психологии писатель интересовался философскими и религиозными теориями. Он, как и многие японские интеллигенты того времени, усердно изучал идеи Герберта Спенсера

(с. 136). Однако Йокота-Мураками критикует некоторых исследователей старшего поколения, которые, по его мнению, вряд ли обращались к первоисточникам и потому неверно толковали влияние Спенсера на Фтабатэя. Речь идет об агностицизме и скептицизме. Утверждая, что Фтабатэй мог неправильно понять «первый принцип» Спенсера, Йокота-Мураками указывает на «порочный круг» у самого Спенсера по поводу «абсолютного» и «относительного» и видит в образе мышления этого философа общее с «феноменологической редукцией» (с. 139). Таким образом, автор книги последовательно проследил идейное формирование Фтабатэя, проанализировав содержание всех книг, которые должен был читать писатель.

Вообще говоря, исследователи Фтабатэя должны с большой осторожностью относиться к оставленным писателем записям. В них есть целый ряд хронологических неточностей. Кроме того, для него весьма характерно особое словоупотребление, выражающее новые понятия и нетривиальный ход его мысли. Так, например, он записывает слово «тэйкокусюги» (японские иероглифы пишутся сверху вниз), справа добавляя слоговой азбукой «импэриаридзуму» («империализм»). Но в этом слове нет ничего общего с «империализмом», о котором говорил, например, Ленин. Слово «сякайсюги» (с транслитерацией «сосяридзуму») тоже сильно отличается от обычного значения слова «социализм». Мне кажется, к этой категории принадлежит и термин «исин-но сиси (維新の志士 «активисты, борющиеся за реформы Мэйдзи»). Он часто употребляет слово «сиси» (志士 без атрибута «исин-но» (維新の). И из слова «сиси» он производит еще одно слово — «сисихада» (志士肌 «человек с духом сиси»). Интересно, что Фтабатэй употреблял термины «сиси» и «сисихада», когда в женском журнале для гимназисток объяснял значение русского слова «интеллигенция». Сначала он перевел его так: «юсикисярю» (有識者流, обратный перевод которого означает: «люди, склонные к знаниям»). Этот перевод явно носил искусственный характер. Поэтому он сразу же дает читателям синонимы — слова «сиси» и «сисихада»³.

³ См.: Фтабатэй Симэй дзэнсю (Полное собрание сочинений Фтабатэя Симэя). В 9 т. Т. 5. Токио: Иванами сэтэн, 1981. С. 68–76.

К сожалению, многие исследователи оказываются в тупике, вкладывая в слово «сиси» только узкое первоначальное значение. В 80-х годах XIX в. в Японии появились националистически настроенные люди, которые были убеждены, что в будущем Япония должна выйти за пределы своей ограниченной по площади территории. Им восточная часть Евразийского материка казалась «землей обетованной». Они считали себя прямыми потомками «исин-но сиси». По моему мнению, как раз из-за сходства терминов и возникло недоразумение, будто Фтабатэй тоже принадлежал к этим людям. Их называли «тайрику ронин» (大陸浪人), т.е. люди, отказавшиеся от принадлежности к какой-либо организации и свободно действующие по всему матерiku. В свое время Фтабатэй действительно занимался в Харбине и Пекине делами, которые позволяют подозревать его в шпионаже. Йокота-Мураками не совсем отказывается от широко распространенного мнения о том, что Хасэгава Тацуноскэ некоторое время был секретным агентом. Автор

книги знакомит читателей с одним эпизодом, случившимся в Пекине, рассказывая о провале плана по экономическому и государственному развитию Монголии и воспрепятствованию русским войскам в том краю (с. 184). Одним из участников эпизода был знаменитый «тайрику ронин» Кавасима Нанива (川島浪速), однокашник Фтабатэя по Токийскому институту иностранных языков, который в то время служил в пекинской полицейской школе и являлся начальником Хасэгавы Тацуноскэ. С моей точки зрения, этот эпизод все-таки не очень убедителен в качестве доказательства «шпионской деятельности Хасэгавы». В Пекине основная работа Хасэгавы Тацуноскэ была управленческо-финансового характера. Хотелось бы пожелать автору книги в дальнейшем найти больше конкретных фактов и критически проанализировать их.

Книга в целом заслуживает высокой оценки. Хотелось бы порекомендовать ее не только специалистам, но и широкой публике.

Кимура Такаси